

Пётр ВАСИЛЬЕВ

*Подпорожье,
Ленинградская область*

С К А З

О СОТВОРЕНИИ МИРА

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. Первый сказ — для добрых странников, для детишек роду разного, от звериного до птичьего, сказ журавушек-лебёдушек да гусей крикливых с утками о яйце, но не Кашеевом и не курочки-наседушки, а о первом и загадочном, что явилось морю бурному, будто слово от кудесника, словно чудо из чудес.

Ничего в ту пору не было, даже звёзд и ясна солнышка, так мудрейшим людям ведали их седые праотцы, что слышали когда-то от мудрейшего из мудрых, он прожил подольше сосен вековых и необхватных, сам наслушавшись сказаний от ветров из Заонежья, от травы

былинной тонкой, от всё помнящих камней.

Ведал-молвил старец мудрый: «Свет явился в хладном мраке, как костёр в ночном безлунье, будто родиной надежды, нитью северной звезды. Грохотала неизвестность, отгоня мглу и стылость, так рождалось в бездне чёрной необычное яйцо. Не простецкое, конечно, что увидишь на насестах, да и золота в нём было столь же в меру, как всего!»

Из яйца явилась птица, а быть может, наважденье, говорили про медведя, про оленя да змею. Каждый молвил то, что слышал от своих ушедших предков, а они передавали думы разных мудрецов. Будто началось всё с солнца и луны — его соседки, а потом явились силы, создававшие миры. Кто-то из оленьей крови сотворил моря и реки, из костей, копыт — камня, из рогов его ветвистых — древо жизни всей Вселенной да зелёные леса. Молвил кто-то и про рыбу — то ль осётра-великана, то ль огромного кита, что был предком всех жи-

вущих и хранил во чреве солнце, на хвосте луну качая, россыпь звёзд усом цепляя.

Старцы слышали про утку, что подняла в клюве солнце, отыскав его в глубинах неизведанных морских, а потом луну достала, а за ней и землю нашу, да устала-утомилась, обронила в небесах. Из её больших осколков и родились наши камни, что поднялись над волнами, будто лодок паруса. На камнях росли деревья, на деревьях гнёзда вили птицы с песнями весны, с ними люди раньше жили, к небесам когда стремились, уж потом с ветвей спустились, чтоб бродить по белу свету, на земле родной трудиться и выращивать плоды.

Много ветры слухов носят, много утекло воды, если нас о прежнем спросят, тайны предков сохраним, ведь и деды нас учили больше слушать и глядеть, говорить с душой по делу, чтоб с постыдными речами перед людом не краснеть...

Про невиданное сказом лишь начну свой пересказ о родимом нашем крае, что понадобится знать в сорока важнейших сказах, в мудрых присказках-словах.

С К А З

ПРО ВАЖИНКУ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня рек разливами, величавыми и говорливыми, над холмистыми громадами, над былыми камнепадами, в глухарей лесном краю, у медведей на пиру — сказ про реченьку-красавицу, про первейшую из избранных дочь Свири, внизу степенную, а в верховьях тайных — дивную, про оленей маму Важинку.

Говорлива речь ручейная, коль струится вдаль по камешкам, так и наша быль про реченьку перемолвиться спешит. Ведь молва про речку важную, на пути купцов и воинов, испокон веков летит. Ввысь стремится, будто соколом, с вестью знатной в княжий двор та молва-хвала народная, что про Важинку идёт.

Если в были-песни вслушаться, добрым

людям будет прок, муравой-травой нашепчет, набурлит речной порог про преданья да былины, сказки старины глубокой. Так и было с давних пор, что гордилась-любовалась наша Свирь своей водой, напоённая Онегой и широкою Пашой. И Оять с холмов далёких да с певучих родников ей несла свои потоки чистых и целебных вод.

Пили их лесные звери, птицы пили из Свири, пили люди, свято верив, что нет лучше из стихий. И прослышал князь про чудо свирской ласковой воды, повелел своей дружине эту воду привезти. Слышал он и про оленей, что кочуют вдоль реки, с необычными рогами, с мехом белым, словно снежным, приказал и их вести. Что текла под самый терем чудотворная река, чтобы вольные олени подпирали ворота. Будто нет его важнее, словно он всего сильнее, не изменишь чудака.

Гул пошёл по всей дружине, недоволен стал народ, только коли подневольный, против воли царской-княжьей не поедешь-не попрёшь. Стали рыть-копать канавы, чтобы речки развернуть, да оленей стали править не на север, а на юг. Долго ль, коротко трудились, не окинуть этот путь зорким глазом, чутким ухом, да и носом не вдохнуть. Только воды замутились родников, рек, ручьёв, силы с чистотой лишились да под терем знатный князя не текли наперекор. И рогатые олени поклонились мхам родным, переплыли Свирь всем стадом, оглядев прощальным взглядом, все на Север побрели.

Только первый оленёнок, будто ласковый ребёнок, маму Важинку просил, чтобы белые олени, побродив по белу свету, погуляв за белым морем, вместе с белыми ночами возвращались счастьем чистым к берегам родной Свири. Добрая оленей мама так любила малыша, что кудесницею стала, чтоб сбылась его мечта. Разлеглась на пнях и кочках среди северных болот и от них спешит слезою, мхом очищенной водою в Свирь загадочным потоком, ставшей важною такой, что с тех пор так и зовётся наша Важинка-река. И молва в народе бродит, будто белый оленёнок, что название такое его мама родила.

С К А З

О ЛЕСНОМ ХЛЕБЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сейчас горнила жаром, светом гаснущих углей да дымком трубы печной, хлебным духом ароматным, чёрным противнем с добром – сказ про самый необычный, про душистый и смолистый наших предков каравай.

Не найдёшь такого нынче, хоть полсвета обойди, в нём земная скрыта сила, нежность молодой сосны. Деды наши с хлебом чудным собирали соль земли, поле трудное пахали и с прокосом шли широким от зари и до зари. Тайну древнюю открыли им седые старики, что от прадедов узнали, как, порог родной оставив, с плугом по полю пошли.

Как весной согреет солнце из околиц дружный ряд, заиграв лучом в оконце, отгоняя снегопад, так и надо торопиться, да с котомкою большой, либо с коробом ведёрным, аль с корзиной да мешком к лесу-батюшке стремиться, там бродить-ходить-искать то, что может пригодиться, если силушки-здоровья будет в деле не хватать.

Перед сбором поклониться, с просьбой доброй обратиться, чтоб позволил лес-кормилец сил его немного взять. Важно тут не торопиться, осмотреться да подумать, перед лесом повиниться, выбирая ту из сосен, чьё подкорье-оболонье можно срезать и забрать. Суеты топор не любит олонецких мужиков, а они деревья рубят так, чтоб внуков лес берёт. Вот и гоже со сноровкой да с раздумьем собирать оболонь-подкорье сосен, леса силу-благодать. Вкус коры нежнейшей важен, так учили старики, вот и попробовать бы надо то, что будет из печи.

Как сума-котомка станет той душистой оболонью, нежным сосенным подкорьем до краёв полным-полна, ей черёд на солнце греться у околицы родной, а потом в печи томиться, чтоб дымком обогатиться, а уж после в ступе медной стать мельчайшею мукой. Тут хозяйские ладони со стараньем и любовью будут сеять и лелеять силу леса решетом, чтобы дать ей

надышаться и быть легкой, как перо. Пополам с мукой из зёрен ржи, пшеницы аль овса, да с закваской, что из хмеля, да с водой из родника, будет мяться-получаться тесто хлебное с утра.

Час придёт, на угли ляжет тот сосновый каравай, чтобы с пылу, с печки жару лечь с малящим ароматом на широкий общий стол. С тёмной корочкой хрустящей, с легким привкусом хвои хлеб лесной целебным станет, коли выпечен с душой.

А уж если супостаты захотят прознать секрет, чтобы силой звонких сосен тоже ловко завладеть, а потом и краем нашим, шибко щедрым на дары, наши прадеды велели тайну предков сохранить. Без разбора брать подкорье для непрошенных гостей, сыпать сена да соломы, мха да старой лебеды, и такое горе-тесто без любви творить-месить, чтоб такого горе-хлеба расхотелось им погрызть.

С К А З

О ПОДПОРОЖЬЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня волн бурлением, пенным у стремнин течением нашей реченьки-красавицы, долгой, что свирели трель, синих вод её дыханием, плеском, шорохом, качанием сказ про то, как Свирь родимая к Ладоге своей в объятия меж камней, меж глыб спешит.

От губы Онего-батюшки до губы раздольной Ладоги путь неблизкий предстоит. Мимо луд да мысов каменных, мимо древних скал малиновых, мимо чёрных горных стен, мимо островов загадочных, по-над ямами да карами, да над тьмою омутов. Дня здесь будет маловато даже в пору ненаглядную светлых северных ночей. От истока оглянувшись на простор онежских волн, в переходе-перекате к разгуляю Лады волн Свирь проводит солнце трижды, чтобы встретить поутру, уж потом с порывом страстным с мамой-Ладогой сольётся да в единую волну.

Ждал её уже в день первый перекатного пу-

ти самый грозный из порогов, что не зря прозвали предки в честь хозяина тайги. Там медведи обитали ещё прежде всех людей и, собравшись, будто стая, перекрыть решили реку, чтобы стать в таёжном царстве и речной воды сильнее. Велика медвежья сила и сноровка велика, только лапою широкой и мохнатой бурой шкурой не управить прыть речную, не загнать её в запруды и не повернуть назад. Покуражились медведи, может, год, а может, два, камнепад наворотили, только от услуг медвежьих Свирь ещё сильней была. Но с тех давних пор в народе и пошла гулять молва, Медведцом порог прозвали, грозным стражем на Свири.

А за ним, чуть-чуть поодаль, за грознейшим из порогов, заигрались в перекатах, засверкали чешуёю, вылетая из воды, вновь нырнув в струю речную, толстобокие сиги. Этим чудом да богатством подивились рыбаки, можно жить совсем без золота, лишь поставив дом с амбаром под порогом изобильным у красавицы реки.

Здесь тянуть не надо невод, чтоб без рыбы не уйти, и сетей плести не надо, чтобы было что нести. Решетом с большим обхватом воду в речке зачерпни, будет и уха с наваром, и жаркое, и соленье, да такие пироги, что не видывал вкусней сам царь Пётр, когда спускался капитаном по Свири.

Сиговцом порог прозвали в благодарность старики. Жить безбедно рядом стали лоцманы да рыбаки. А селенье под порогом, где живут в реке сиги, звать решили Подпорожьем, знатным местом на Свири.

С К А З

ПРО ХОЗЯИНА ЛЕСА

Сорок сказов, сорок присказок ждут-ждутся в теремах резных. А сегодня листьев шелестом да поклоном сосен с елями, над просторами холмистыми, над болотами душистыми, над ручьями говорливыми да озёрами любимыми, у дорог, что вместе сходятся, да у троп за-

ветных сызмальства сказ про щедрого хозяина, к добрым людям тоже милого, а на злых всегда сердитого, про лесного повелителя.

У Свири раздольной водится, да у дочек — синих рек её, синеву несущих к матушке, не скупиться да не жадничать, раздавать дары природные, коли в гости кто-то явится не по зову, но с почтением. Раз придёт с душой, поклонится, на гостинцев горсть расщедрит, быть ему с весомым коробом, в дом идти с добычей знатною.

У лесного повелителя, у зверья и рыб хозяйина, ягод да грибов властителя, птиц да мурашей защитника взглядов видимо-невидимо, слышит он ушами разными, чувствует ветров дыханием, знает каждую травиночку, паутинок всех узорочье. Тучки гонит он играючи да подкидывает солнышко, чтоб согреть сироток-птеничков, плачущих без пахи-матери. И для племени клыкастого, для сердитого когтистого он найдёт управу запросто, коли помыслы нечистые.

С пастушками он приветливый, о коровах их заботливый, если чтут они заветы все, берегут слова особые, быть стадам их в полной целости, будто у Христа за пазухой. Если ж пастушок оступится, расхрабрится-распояшется, уговор-завет не выполнив, быть пеструшкам с черно-спинными от клыков-когтей пропащими, не видать хозяйку милую, рук заботливых не почувствовать.

Так и к путнику незваному дух лесной сперва присмотрится, лапой хвойною поклонится, птичьей трелью поприветствует, треском сучьев да валежника, дуновеньем легким с омота. Коли путник гостем трепетным, дом лесной с его хозяином честь по чести поприветствует, на пенёк, на ствол поваленный хлеб-пирог отломит крошечком, быть ему при счастье-радости от даров-добычи лакомой. Добрый гость здесь не заблудится и под старой елью-матерью, будто под крылом лебёдушки, он окажется-очутится, если ливень подойдёт.

А уж коли без почтения, без терпения, без хлебушка гости в лес гурьбой заявятся, опечалят душу нежную гамом, дымом да враждой, леший след они изведуют, страхи разные да горести и вернуться, коли смогут, лишь с одной лесной травой.

С К А З

О РОДНОМ ДОМЕ

Сорок сказов, сорок присказок ждут-дождутся в теремах резных. А сегодня сосен пением золотистых на бору, елей тёмных в рощах лапами да осин тревожных трепетом, да берёзовою ласкою сказ про то, как наши прадеды дом для деток-внуков ставили, чтобы с ними разлюбезными долгий век в нём пережить.

Все мы с детства очарованы красотой родной земли, только и на милой родине угол свой, когда захочется, без уменья не найти. Коль на небе ясно солнышко, милы все вокруг черты, все покосы да излучины, за околицей холмы. А коль тучами закроется неба радостная синь, даже берег, прежде ласковый, неуютным и безрадостным нам покажется в тени. Так и ночью долгой тёмною не спасает свет луны, искры звёзд и пламя факела да горящие костры.

Много в жизни повидавшие, говорили старики, что для жития домашнего мысли чистые нужны. Помощь пращуров желанна на своей родной земле, коли нужно выбрать место под домашние венцы. Вот и надобно под вечер, поглядев на все холмы, выбрать сердцем тот,

что ближе не глазам, а лишь душе. Там скосить свою полянку и в объятиях копны крепко спать в пахучем сене, а под утро всё ж припомнить, что привидится в ночи.

Коль коней горячих скачки, их большие табуны, будет жизнь в том месте резвой, не пройдёт без суеты, без погони за богатством, без скандалов у печи. Коли зверь лесной приснится, либо заяц, либо лось, либо рыжая лисица, либо серый хищник — волк, будет в доме беспокойство без уюта и тепла и желание покинуть его стены навсегда.

Так случится и с медведем, хоть хозяин он тайги, добрых надо ждать соседей, приносящих счастье людям и сокровище любви. Коли явится корова либо маленький бычок, аль петух громкоголосый, али светлый верный пёс, белый кот и козье стадо, лучшего искать не надо, здесь и можно ставить дом.

Жизнь прожить умело надо, ведь не поле перейти, славу добрую от дедов преумножить в доме том, а как ставить, звать соседей не на званный шумный пир, а с венцами потрудиться, подгоняя как один. Так и будет в доме новом счастье зимы зимовать, дружно и весну встречать, летом людям помогать, чтобы в осень золотую можно было пировать.

□

Пётр Александрович ВАСИЛЬЕВ

родился в Лодейном Поле в 1967 году.

Журналист, писатель.

Публиковался в различных литературных журналах.

В 1993 году создал студию радио «Лодья».

Руководитель информационно-полиграфического комплекса «Свирские огни» в Подпорожье, директор ООО «Свирские берега» и автор программы «Заповедная область с Алексеем Морозовым» на телеканале «Россия 1».

Снимает документальные фильмы краеведческой направленности.

Член Союза писателей России.

